

ПРОГРЕССИВНОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ ЗА РУБЕЖОМ О В. И. ЛЕНИНЕ *

Н. Л. Рубинштейн

С первых дней существования Советской власти имя Ленина стало символом победы Великой Октябрьской социалистической революции, символом освобождения трудящихся от ига капитала и утверждения нового, социалистического строя. Уже тогда горячие симпатии рабочих и других слоев трудящихся Западной Европы и Америки и колониальных народов Востока к молодому Советскому государству, к народу, который сверг власть эксплуататоров и навсегда порвал с политикой империализма, вылились в чувства величайшей любви к Ленину.

Буржуазия сделала все, чтобы представить образ Ленина в ложном свете. Не было такой клеветы, которую реакционная пресса не распространяла бы о Ленине. Искажались ленинские портреты, извращались и фальсифицировались его речи и статьи, изобретались самые чудовищные вымыслы о его жизни и деятельности. Крупный американский журналист, буржуазный радикал, в последние годы своей жизни близкий к коммунистам, Линкольн Стеффенс писал в марте 1920 г., что материал, публикуемый в зарубежной прессе о Ленине, — «это главным образом ложь. Насколько мне известно, этому материалу не верят ни люди, которые составляют его, ни европейские издатели, печатающие его, как некоторые из них признавались мне»¹.

Клеветническая кампания против Ленина не могла остановить растущего влияния ленинизма за рубежом Советской страны, страстного желания рабочих ознакомиться с ленинскими идеями, узнать правду о нем, о его деятельности. «И если б туча ненависти к нему, туча лжи и клеветы вокруг имени его была еще более густа, — писал Горький, — все равно: нет сил, которые могли бы затемнить факел, поднятый Лениным в душной тьме обезумевшего мира»².

Через кольцо антисоветской интервенции и блокады, через преграды военной цензуры, через дымовую завесу лжи, клеветы и вымыслов правда о Ленине пробивала путь к трудящимся.

В Англии в первое время после Октябрьской революции ленинские статьи печатались и распространялись нелегально. Гарри Поллит прятал их в матраце и потом распространял среди рабочих верфей и доков. «Никогда не было, — писал он в своих воспоминаниях, — такого потока грязной пропаганды против какого-либо правительства, как тот, который изливали британские джентльмены против первой в мировой истории рабочей республики. В сравнении с мощью и влиянием капиталистической прессы и правительственных деятелей наши ресурсы для ведения пропаганды за солидарность с русской революцией казались весьма ограниченными, но симпатии к рабочей России росли». Поллит вспоминает, как работница Уокер из лондонского предместья Поплар каждое утро говорила

* Статья представляет собой главу из неопубликованной работы покойного Н. Л. Рубинштейна «Советский Союз и зарубежное общественное мнение».

¹ «The Letters of Lincoln Steffens». Vol. II. New York. 1938, p. 535—536.

² М. Горький. Собрание сочинений. М. 1952. Т. 17, стр. 46.

с женщинами о Советской России, побуждала их сказать своим мужьям, чтобы они смотрели в оба и мешали отправке оружия для интервентов. Когда рабочие узнали, что союзники помогают буржуазно-помещичьей Польше вести войну против Советской России, в Полларе не было такого места, где не слышался бы возглас «Руки прочь от России!». Забастовка лондонских докеров и грузчиков угля, отказавшихся грузить пароход «Джолли Джордж», предназначенный для белополяков, нашла отклик во всей Англии. Одно упоминание о «Джолли Джордж» и лондонских докерах вызывало энтузиазм³.

Ветеран Коммунистической партии США Элла Блур, известная в рабочих массах как «матушка Блур», рассказывая о своем восприятии Октябрьской революции, писала: «Как ни трудно было получить точные сведения о том, что случилось, великая, ярко сверкающая правда об Октябрьской революции сияла изо всех искаженных известий... Когда мы просыпались утром, когда мы ночью ложились спать, когда мы вели нашу повседневную борьбу, мы думали: «В России они уже строят социалистическое общество»⁴. В 1919 г. Блур председательствовала на митинге о Советской России. На собрание пришел Джон Рид, очевидец Октябрьской революции. Он был болен и очень слаб. Однако Блур напрасно уговаривала его сесть. «Я не могу молчать, — отвечал Рид, — я был там! Я видел! Я должен рассказать им!». Он рассказал нам о «десяти днях, которые потрясли мир», о великом Ленине, о мужественных советских рабочих и о новой жизни, которую они строят. Он говорил об ужасных гонениях на первое рабочее государство со стороны всех так называемых «христианских государств», которые пытаются всеми способами предотвратить победу социализма, и об участии нашей страны в вооруженной интервенции»⁵.

Когда в США возникла коммунистическая партия, в ее ряды вступили многие участники социалистического движения. О том, что побудило их стать коммунистами, можно судить по следующему высказыванию Уильяма Фостера: «Основной причиной, побудившей меня сделать этот серьезный шаг, были величайшие события русской революции, а также усиленное чтение трудов Ленина»⁶.

С ростом мирового рабочего и коммунистического движения правда о Советской стране проникала все шире в народные массы, вырастали масштабы распространения ленинских произведений, масштабы пропаганды ленинских идей и их воздействие на трудящихся капиталистических стран. Коммунистические партии и группы, объединившиеся в Коммунистическом Интернационале, издавали и распространяли важнейшие произведения Ленина. Глашатаями ленинских идей явилась коммунистическая печать и в первую очередь газеты «L'Humanité», «Daily Worker», «Die Rote Fahne», «L'Ordine Nuovo». Коммунистические депутаты провозглашали эти идеи в буржуазных парламентах, пропагандировали в профсоюзах и других массовых организациях.

В начале 20-х годов в Италии, писал итальянский коммунист Джерманетто, имя Ленина «знали в самых глухих деревушках, в больших городах, в казармах, в рыбацких поселках, на дальних островах и в горных хижинах, затерявшихся в альпийских снегах»⁷. В некоторых рабочих семьях новорожденным детям давали имя «Ленин». И хотя фашисты после захвата власти требовали, чтобы детям были даны другие имена, многие, даже под угрозой репрессий, не выполняли этого требования и, по крайней мере, дома продолжали называть детей по-старому. В 1925 г. Джерманетто встретился в итальянской деревушке с мальчиком по имени

³ Harry Pollitt. *Serving my time*. London. 1940, p. 111, 112, 116.

⁴ Ella Reeve Bloor. *We are many. An Autobiography*. New York. 1940, p. 142.

⁵ Там же, стр. 150.

⁶ Уильям З. Фостер. *Закат мирового капитализма*. М. 1951, стр. 216.

⁷ Джерманетто. *Имя Ленина*. М. 1939, стр. 89.

Ленин, в 1936 г. он видел его в Ницце уже юношей-комсомольцем, а затем нашел его имя в списке погибших в боях за республиканскую Испанию. «Портреты Ленина не только в наших клубах и местах собраний, но и во многих частных квартирах, в мансардах и подвалах рабочих, в крестьянских и рыбацких хижинах занимали почетное место, иногда рядом с мадонной или Христом»⁸. Рабочие выводили имя Ленина гигантскими буквами на стенах домов. Джерманетто вспоминает, что после ареста он увидел на стене камеры туринской центральной тюрьмы надпись «Evviva Lenin!», которую долго не могли уничтожить, несмотря на все усилия тюремной администрации. В Италии в ходу была народная песенка неизвестного автора с припевом, что человек по имени Ленин освободил свой народ от власти богатых.

Первыми, кто рассказал западноевропейским и американским рабочим о Ленине, были коммунисты, побывавшие в Москве на конгрессах Коммунистического Интернационала, где они видели и слышали Ленина, а некоторые и беседовали с ним. В рассказах этих товарищей перед рабочими впервые раскрывался облик Ленина как вождя нового типа, руководителя, совершенно непохожего на прежних лидеров социалистических партий.

Что же бросалось в глаза коммунистам, видевшим Ленина? Какие черты его они запечатали в своей памяти? Прежде всего их поразила ленинская простота в отношениях к людям, в речи, в беседе.

Встречавшиеся с Лениным иностранные коммунисты отмечали его гениальную способность глубоко разбираться в вопросах рабочего движения каждой страны и ориентировать коммунистические партии в данной конкретной обстановке. Никто после Маркса не поднимался на такую высоту. Ленин указывал на необходимость строжайшей дисциплины в коммунистических партиях. Он говорил, что главная задача коммунистов — воспитать пролетариат так, чтобы события не застали его врасплох и чтобы он мог, когда наступит время, взять в свои руки руководство событиями.

В беседе с французскими товарищами В. И. Ленин говорил: «Вы, французы, должны хорошо понимать нашу тактику, которая вдохновляется революциями, совершенными вашим народом в прошлом. Пусть же французские пролетарии следуют революционным традициям своих предшественников и своих предков; пусть они не останавливаются ни перед какими препятствиями. И пусть они верят в будущее!»⁹. Марсель Кашен вспоминает: «Беседа наша продолжалась полтора часа. Он прежде всего нас спросил о положении во Франции, которую он очень хорошо знал. Он повторил нам, что восторженно относится к прошлому нашей страны, к французскому и, в частности, к парижскому пролетариату. Он характеризовал коммунистов как современных якобинцев»¹⁰.

По возвращении в Париж Кашен выступил перед рабочими с отчетом о своей поездке. Масса трудящихся собралась на грандиозный митинг. Тридцать тысяч человек, которым не хватило места в помещении парижского цирка, заполнили близлежащие улицы. Собравшиеся встретили Кашена возгласами: «Да здравствует Ленин! Да здравствуют Советы!» «Никогда, — писал Кашен, — в этом громадном городе не было такого потрясающего, такого горячего, такого волнующего собрания французского народа, который в течение многих часов выражал свое восхищение Октябрьской социалистической революцией, о которой мы привезли ему самые свежие и самые радостные вести»¹¹.

Марсель Кашен рассказывал о своей поездке в Советскую Россию на массовых собраниях трудящихся. Он выступал и на конгрессе социали-

⁸ Там же, стр. 91.

⁹ Журнал «Коммунистический Интернационал», 1939, № 1, стр. 35.

¹⁰ Там же, стр. 37.

¹¹ Там же, стр. 38.

стической партии Франции, состоявшемся в Туре в 1920 году. Здесь была создана Коммунистическая партия Франции. В первых рядах ее стали люди, которые составили славу партии: Марсель Кашен, Габриель Пери, Пьер Семар и другие. Среди передовых пролетариев Франции, восторженно встретивших идеи ленинизма, был молодой горняк. «Энтузиазм, вызванный во мне русской революцией,— писал он впоследствии в своих воспоминаниях,— толкал меня на путь активной борьбы. Я жаждал узнать побольше о том, что происходит в России...»¹². Своим товарищам шахтерам этот молодой рабочий указывал путь борьбы и освобождения, путь, указанный Лениным. Ему было в то время двадцать лет, и звали его Морис Торез.

Идеи Ленина, идеи Октябрьской революции вдохновили и молодого студента из Индо-Китая, который учился в то время в Париже и активно работал в индо-китайской федерации социалистической партии Франции. На конгрессе партии в Туре в 1920 г. он голосовал от имени федерации за присоединение к III Интернационалу. Он рассказал, «как свирепствуют французские империалисты на его родине, зверски эксплуатируя и истязая двадцать миллионов аннамитов... Он требовал, чтобы социалистическая партия «обратила, наконец, должное внимание на колониальную проблему». Этого делегата звали Нгуэн Ай Куак, что означало на его родном языке «друг народа». Через двадцать пять лет он стал известен как Хо Ши Мин, президент республики Вьетнам»¹³.

Личное общение и знакомство с Лениным оказало огромное влияние на многих выдающихся деятелей коммунистических партий Англии, Германии и других капиталистических стран. В беседах с молодым шотландским коммунистом Галлахером В. И. Ленин терпеливо разъяснял его ошибки и направлял его на правильный путь. «По-моему,— пишет Галлахер,— это было основное качество великого ленинского гения: он никогда не думал о себе, он был живым воплощением революционной борьбы, и где бы он ни оказывался, он всюду приносил с собой вдохновение своей великой убежденности»¹⁴. Встречи с Лениным помогли Галлахеру излечиться от «детской болезни» отрицания необходимости использовать английский парламент.

Такое же огромное влияние оказал Ленин на видного французского профсоюзного деятеля — в те годы еще не коммуниста — Гастона Монмуссо. Ленин помог Монмуссо, как последний сам рассказывал, изжить остатки анархо-синдикалистской идеологии и вступить в Коммунистическую партию Франции. Вспоминая о своей встрече с Лениным, Монмуссо писал: «Радость, которую я испытывал в связи с результатами нашей беседы, поглотила все другие впечатления,— и я ушел из кабинета Ленина вооруженным для борьбы, включая борьбу против моей собственной идеологии»¹⁵.

В. И. Ленин убеждал Клару Цеткин в необходимости усилить работу в массах, неустанно вести партийную агитацию и пропаганду с тем, чтобы суметь использовать революционную ситуацию, когда она придет. Х. Кабакчиев рассказывал, как живо Владимир Ильич интересовался положением, создавшимся на Балканах. По просьбе Ленина Кабакчиев прислал ему литературу, изданную после войны партией тесняков. Узнав у Кабакчиева, что для русского не представляет труда изучить болгарский язык, Владимир Ильич попросил прислать ему болгарско-русский словарь и позднее, в связи с тем, что присылка задержалась, дал такое же поручение библиотеке.

Иностранцев поражала предельная ясность, с которой

¹² Морис Торез. Сын народа. М. 1950, стр. 32.

¹³ Жан Фревилль. Рождение Французской коммунистической партии. М. 1951, стр. 104.

¹⁴ «Коммунистический Интернационал», 1937, № 10—11, стр. 141.

¹⁵ «We have met Lenin». М. 1930, стр. 61.

Ленин решал самые сложные вопросы рабочего движения. «Я был потрясен простой и безыскусственной манерой ленинской речи и тем, как он превращал самые трудные вопросы в кристально ясные»¹⁶, — пишет Гарри Поллит. Об этом же рассказывает американка Элла Блур, впервые увидевшая Ленина на III конгрессе Коминтерна: «Невысокий человек совсем спокойно вошел из боковой двери вблизи трибуны, сел за стол, за большой группой палым, и сразу же стал делать заметки. Ленин здесь, Ленин здесь, — начался шепот. В конце концов делегаты не смогли сдержаться, встали и хором запели «Интернационал», каждый на своем языке... Он выждал, пока стихнет, вдумчиво глядя поверх аудитории, потом на свои заметки и немного торопясь начал говорить прямо и просто, без ораторских приемов или украшательства. От него исходило ощущение непреодолимой мощи и самая полная искренность и самозабвение, которые я когда-либо видела»¹⁷.

Все, кто видел Ленина, сходились на том, что он как бы излучал уверенность в победе дела коммунизма. Рассказывая о своей первой беседе с Лениным в 1920 г., Галлахер вспоминал: «Я думал: «Боже мой, везде война, всякие внутренние и внешние проблемы, которые кажутся почти неразрешимыми, а вот этот товарищ непоколебимо уверен, что большевики добьются победы»¹⁸.

«Соприкосновение с ним, — писал о встречах с Лениным в 1921 г. известный французский коммунист Вайян-Кутюрье, — производило на сознание впечатление вихря, ворвавшегося в душную комнату: оно освежало загруженный предассудками и формальными доктринами мозг. Нарисовать Ленина до сего времени не удалось: черты его лица были до того насыщены внутренним содержанием его образа, что передать это карандашом почти невозможно... Человек, потрясший весь мир, в чьем сознании беспрерывно переваривалось все, чем жил и дышал этот мир, этот человек сохранил в себе до конца сознательной жизни удивительную способность чувствовать и мыслить, как китайский кули, как носильщик-негр. Угнетенный аннамит, индус были ему так же понятны, были такой же открытой книгой, как ленинградский металлист, как парижский текстильщик, как шахтер из Новой Виргинии. Ленин — это законченный тип нового человека: он являлся для нас прообразом будущего»¹⁹.

Имя Ленина звучало все громче не только на Западе, но и на Востоке. «Из глухих деревень Индии, — писал А. М. Горький, — проходя сотни верст по горным тропинкам и лесам, тайком, рискуя жизнью, пробираются в Кабул, в русскую миссию, индусы, замученные вековым гнетом английских чиновников, приходят и спрашивают — «Что такое Ленин?»²⁰. «Ленин — гордость человечества», «Ленин — солнце и честь всех людей», «перед Лениным дрожат все деспоты мира, ибо Ленин гром для них»²¹, — писала турецкая печать. Идеи, указания Ленина вдохновляли не только коммунистов Запада, но и коммунистов Востока. Сен Катайма вспоминал, что Ленин особо обсуждал с делегациями Китая, Японии, Индонезии и Монголии вопросы, касавшиеся каждой страны в отдельности, а также общие проблемы, относившиеся ко всем странам. В беседах с Сен Катаймой В. И. Ленин подчеркивал необходимость объединить все революционные силы Дальнего Востока для борьбы против империализма. Принимая осенью 1921 г. монгольскую делегацию, Ленин в беседе с ней указал, что трудящиеся Монголии при помощи Советской России достигли в своей революции больших успехов и закрепили эти успехи созданием Народно-революционной партии. Ленин широко разви-

¹⁶ Harry Pollitt. Указ. соч., стр. 139.

¹⁷ Ella Reeve Bloor. Указ. соч., стр. 174.

¹⁸ «Коммунистический Интернационал», 1937, № 10—11, стр. 139.

¹⁹ Сборник «О Ленине», стр. 123—124.

²⁰ «Коммунистический Интернационал», 1920, № 12, стр. 933.

²¹ См. К. Юст. Анатолийская печать. Тифлис. 1922, стр. 170.

перед монгольской делегацией идею возможности и необходимости некапиталистического развития Монголии, причем главным условием, обеспечивающим переход на путь некапиталистического развития, указывал он, является усиление работы Народно-революционной партии и правительства, чтобы в результате этой работы и усиления влияния партии и власти росли кооперативы, прививались бы новые формы ведения хозяйства и национальной культуры. Только из островков нового хозяйственного уклада, говорил В. И. Ленин, созданного под влиянием партии и правительства, сложится новая, некапиталистическая система в аратской Монголии²².

Ленинский гений оказал огромное влияние и на людей, которые отнюдь не разделяли коммунистических убеждений, а порой были и враждебны коммунистам. Но все они испытали обаяние Ленина.

Даже более передовые представители буржуазного лагеря не всегда могли правильно оценить историческую роль Ленина. Но многие из них увидели, как тесно Ленин был связан с рабочими и крестьянами, с советским народом. Так, Альберт Рис Вильямс, американский левый журналист, рассказывал, как он в числе других иностранцев долго дождался Ленина в его приемной.

«Это было необычно, так как Ленин был всегда очень пунктуален. Мы сделали из этого вывод, что его задержало какое-нибудь особенно важное государственное дело, какое-нибудь особенно важное лицо. Прошло полчаса, час, полтора часа, мы все еще сидели и начинали уже терять терпение, а из кабинета все еще доносился приглушенный, ровно гудевший голос посетителя. Кто бы мог быть этот важный гость, если ему дана такая длительная аудиенция? Наконец дверь открылась, и, к общему удивлению всех находившихся в приемной, из кабинета вышел — не военный, не дипломат, не какой-нибудь высокий сановник, а обыкновенный мужик в овчинном полушубке и лаптях — типичный крестьянин-бедняк, какие в то время встречались миллионами в Советской России.

«Извините меня, пожалуйста, — сказал Ленин, когда я вошел в его кабинет. — Это был тамбовский крестьянин, мне хотелось послушать, что он думает об электрификации, коллективизации и уплате царских долгов. И это было так интересно и увлекательно, что я совсем забыл о времени»²³.

Герберт Уэллс, весьма популярный представитель английской буржуазной интеллигенции, как известно, не увидел в Советской России 1920 г. ничего, кроме «мглы». Узнав от Ленина содержание плана электрификации Советской России, Уэллс сразу же решил, что вождь советского народа «впал в электрическую утопию» и фантазирует.

Спустя много лет после встречи с Лениным Уэллс, очевидно, понял, что его рассказ о вожде советского и международного рабочего класса является письменным свидетельством поразительной близорукости самого Уэллса. В автобиографии, изданной в 1939 г., английский писатель пытался оправдаться, доказывая, что во время встречи с Лениным в 1920 г. он был больше всего заинтересован темой беседы. «Но теперь, когда я просматриваю мою, вышедшую 14 лет назад, книгу и оживляю свою память, сравниваю его с другими людьми, стоявшими на ключевых позициях, я начинаю понимать, какой исключительной и важной фигурой он являлся в истории... В 1920 г., когда я видел его, он с рвением юноши изучал возможную «электрификацию России». Концепция пятилетнего плана, как он видел его — серии удачных провинциальных планов, рус-

²² См. В. Масленников. Монгольская Народная Республика на пути к социализму. Госполитиздат. 1951, стр. 26—27.

²³ Сборник «О Ленине», стр. 647—648.

ская система электросети, достижения Днепрогэса — все это уже приняло отчетливую форму в его мыслях. Он действует, как «бродило», много времени спустя после того, как окончились его рабочие дни. Он все еще действует, быть может, более могущественно, чем когда бы то ни было»²⁴.

Однако Уэллс ошибся, когда решил, что он «начал понимать» величие Ленина. Автору фантастических романов пришло в голову сравнивать Ленина с... Бальфуrom и повторять басни о «религиозном поклонении» Ленину, которое якобы существует в Советском Союзе.

Среди буржуазных деятелей, имевших возможность видеть Ленина и беседовать с ним, были люди, обладавшие способностью понимать великие исторические явления. К числу их принадлежал полковник Раймонд Робинс, руководитель миссии американского Красного Креста. Робинс пробыл в России с августа 1917 до лета 1918 г. и неоднократно встречался с Лениным. Беседы с Лениным произвели на Робинса огромное впечатление. Робинс понял, что события, происходящие в России, изменяют судьбы всего мира, что в лице Советского государства капиталистическая система, как библейский Голиаф с Давидом, сталкивается с молодым, полным сил и отваги противником. Октябрьская революция, говорил Робинс, была «первым поражением капитализма, его первым первоклассным поражением в мире»²⁵.

Рассказывая о своих встречах с В. И. Лениным, Робинс вспоминал, что Ленин говорил ему «о жизненно важных, экономически важных предметах. Он говорил: рабочий класс в настоящее время жизнеспособный экономически класс России. С помощью этого класса мы сделаем правительство России лучшим, чем правительства царей и Керенского, потому что оно будет более жизнеспособным и лучшим, чем любое правительство, ибо оно будет экономическим правительством. И эта система своим примером пронизет, насытит собою весь мир»²⁶.

Робинс рассказывал об огромном авторитете, которым Ленин пользуется в советском народе. Обращаясь к американским бизнесменам, Робинс заявлял: «Джентльмены! Позвольте мне сказать вам кое-что. Я видел маленький клочок бумаги с несколькими словами, написанными Лениным, которые читались и перечитывались и которым затем немедленно повиновались в русских городах на расстоянии тысячи миль от последнего красногвардейца в армии Ленина». Речь шла о записке, которую Владимир Ильич дал Робинсу и с помощью которой Робинс быстро и без помех доехал до Владивостока, что было не так легко летом 1918 года. «Эта записка,— продолжал Робинс,— была волей Ленина. Он не мог физически придать ей силу, потому что в то время его Красная Армия была еще не столь велика, чтобы добраться так далеко, но это была воля Ленина... За 4 500 миль, за самой дальней линией, до которой дошел любой солдат ленинской гвардии, имени Ленина было достаточно. Это было имя революции, советской идеи, советской системы»²⁷.

Линкольн Стеффенс, приезжавший в Советскую Россию в 1919 г., писал о встрече с Лениным: «Спокойный человек в старом костюме поднялся, вышел из-за своего стола, чтобы приветствовать меня кивком головы и рукопожатием. Открытое испытующее лицо; несколько прищуренный глаз, излучавший иронию или юмор, смотрел на меня». По поручению полковника Хауза, находившегося в Париже, Стеффенс просил Ленина дать заверение о прекращении репрессий против агентов интервентов и белогвардейцев. «Кто спрашивает об этом?», — спросил Ленин. «Париж», — ответил Стеффенс. «Люди, которые послали на

²⁴ H. G. Wells. Experiment in Autobiography. Vol. II. London. 1939, p. 778—779.

²⁵ Raymond Robins. Own story by William Hard. New York—London. 1920, p. 204.

²⁶ Там же, стр. 164—165.

²⁷ Там же, стр. 191, 194, 195.

бойню 17 миллионов людей, озабочены судьбой нескольких тысяч!»²⁸, — иронически бросил Владимир Ильич.

Последующие приезды в Москву еще больше раскрыли перед Стеффенсом величие Ленина. Американец подчеркивал, что государственная деятельность Ленина имеет под собой научную основу. Но, будучи в то время весьма далек от марксизма, Стеффенс не мог сказать, о какой именно науке идет речь.

Английский либеральный журналист Артур Рэнсом, с которым Ленин беседовал в 1919 г., отмечал необычайную уверенность Ленина в правоте своих идей. Разговор между Лениным и Рэнсомом касался рабочего движения в Англии и антисоветской кампании, которую вела реакционная пресса. Ленин расспрашивал Рэнсома об английских лейбористах. Он говорил о трудностях рабочего движения в Англии, о сопротивлении английской буржуазии, иронически отозвался о толках за рубежом по поводу «большевистской пропаганды». «Скажите им, пусть построят китайскую стену вокруг каждой страны. У них есть таможенная охрана, границы, береговая стража. Они могут изгнать любого большевика. Революция не зависит от пропаганды. Если нет условий для революции, никакая пропаганда ни ускорит, ни задержит ее»²⁹.

Рэнсом писал, что Ленин произвел на него впечатление счастливого человека. «Идя домой из Кремля, я пытался и не мог вспомнить какого-либо другого человека его масштаба, у которого был бы такой же веселый характер. Этот невысокий, лысый, с морщинами на лице человек придвигает и отодвигает свое кресло, смеется то по одному, то по другому поводу и всегда готов дать серьезный совет каждому, кто попросит его об этом, совет, так хорошо аргументированный, что для его последователей он имеет гораздо большую силу, нежели любой приказ. И каждая его морщина — это морщина смеха, а не беспокойства».

Рэнсом задался вопросом: чем объясняется такая замечательная черта ленинского характера? «Я думаю, — писал он, — что основа заключается в том, что это первый великий вождь, который недооценивает значение своей личности. Он совершенно лишен личного честолюбия. Более того, как марксист, он верит в массовое движение, которое будет развиваться — с ним или без него. Вся его вера — это вера в стихийные силы, которые движут народом; его вера в себя — это скорее его уверенность в том, что он правильно оценивает направление этих сил... Он, следовательно, свободен так, как не был свободен никакой другой великий человек»³⁰.

Рассуждения Рэнсома, несмотря на их туманность, показывают что он все же увидел силу ленинской уверенности в победе коммунизма, хотя и не мог осмыслить ее источники.

В 1919 г. в Советской России побывал и другой английский журналист, корреспондент газеты «Manchester Guardian» Вильям Т. Гуд. Он в первый раз увидел Ленина на московской учительской конференции, а потом был на приеме у Ленина в Кремле. «Я не вхожу в сущность этой беседы, — писал Гуд, — она теперь является достойным историей. Но то, о чем я хочу вспомнить, это — сам человек. Во время разговора я отметил замечательную форму его головы, спокойную, ироническую улыбку, которая играла на его лице, искры юмора в его глазах... Легко понять, как жадно я всматривался в него, как старательно замечал выражения, менявшиеся на его лице. Ведь я смотрел на человека, о котором больше всего говорилось на земле, на гения революции, которая потрясла мир... Перед тем как расстаться, он надписал для меня по-русски и по-английски свою фотографическую карточку, изображавшую его стоящим во дворе Кремля: чудесную фотографию, которую я первый привез в Западную Европу...»

²⁸ «The Autobiography of Lincoln Steffens», Vol. II, pp. 796—797.

²⁹ Arthur Ransome. Russia in 1919. New York. 1919, p. 225.

³⁰ Там же, стр. 122, 123.

В течение своей жизни я встречался в разных странах с людьми, которых называли великими. Ни об одном я не сказал бы того, что с полным правом могу сказать про Ленина:

«Он человек был подлинный; ни в ком
Я равного ему уж не увижу».

(Шекспир)³¹.

В 1919 г. с Лениным беседовал также известный лейборист Лэнсбери. Как и все иностранцы, побывавшие в ленинском кабинете в Кремле, Лэнсбери увидел, насколько его простая обстановка отличается от министерских апартаментов в капиталистических странах. «Здесь,— писал Лэнсбери,— я был лицом к лицу с человеком, который является центральной фигурой величайшей революции в истории мира, передовым руководителем реорганизации и перестройки жизни народа, составляющего более 100 миллионов людей, осажденного со всех сторон открытыми врагами и ложными друзьями»³².

Передавая содержание беседы, в ходе которой Владимир Ильич критиковал политику лейбористов, рассчитанную на «уговаривание» капиталистов, Лэнсбери отметил ленинскую прямоту. «Он не пользуется двусмысленным языком, но желает, чтобы вы поняли то, что он думает... Те, которые хотят быть его друзьями, должны быть так же чисты сердцем, как он,— у него нет места для тех из нас, кто является «серединой»; он хочет, чтобы мы были одним или другим»³³.

Появление книг Робинса, Рэнсома, Гуда, Лэнсбери и других отражало огромный рост международного авторитета Ленина среди рабочих и широких демократических масс капиталистических стран.

В начале 1922 г. с письмом к Ленину обратился крупный американский ученый с мировым именем, математик и электротехник Карл Штейнмец. Он выражал в письме «свое восхищение удивительной работой по социальному и промышленному возрождению, которую Россия выполняет при таких тяжелых условиях. Я желаю Вам, — писал Штейнмец, — полнейшего успеха».

Теплый ответ Ленина вместе с его фотографией был отвезен Штейнмecu американским коммунистом Хэлом Вэром. Ученый буквально бомбардировал Вэра вопросами о Ленине. «Молодой человек,— сказал он Вэру,— понимаете ли вы, что сделала Россия? В такой короткий срок они развернули стандартизованную, плановую программу электрификации для всей страны. Ничего подобного не было нигде. Это поразительно — то, что они совершили. Я бы отдал все, чтобы поехать туда и работать вместе с ними»³⁴.

Бернард Шоу в статье, исполненной глубочайшего уважения к Ленину, писал: «В Европе есть один-единственный государственный человек, достойный всеобщего внимания. Его имя — Ленин»³⁵.

В Ленине мир увидел гиганта, революционного вождя, абсолютно чуждого фразе, человека, для которого слово неотделимо от дела, который соединял в себе величайшую простоту с принципиальностью и правдивостью, подлинного корифея науки. В лице Ленина мир увидел титана революционной мысли и революционного действия.

³¹ Сборник «О Ленине», стр. 133, 134.

³² George Lansbury. What I saw in Russia. London. 1920, p. 24.

³³ Там же, стр. 25, 27.

³⁴ См. E. R. Bloor. Указ. соч., стр. 275, 276.

³⁵ «Soviet Russia», 22 января 1921 года.